

Александра Ирина

Сухие слезы

Сборник произведений

Минск
«Колорград»
2021

УДК 821.61.1(476)-821

ББК 84(4Бел=Рус)

А46

Александра Ирина

А46 Сухие слезы : сборник произведений / Александра Ирина. – Минск : Колорград, 2021. – 90 с.
ISBN 978-985-596-924-3.

Середина 1990-х годов. Минск. Павел работает санитаром в Доме-интернате по уходу за инвалидами и пенсионерами. У каждого обитателя непростая судьба, долгая история борьбы даже не за счастье, а просто за существование. Но среди них есть тонкая, чистая и в то же время сильная духом девушка, обреченная до конца жизни оставаться прикованной к постели. Она надежно хранит свою тайну, которая открывается далеко не многим...

УДК 821.61.1(476)-821

ББК 84(4Бел=Рус)

ISBN 978-985-596-924-3

© Александра Ирина, 2021

© Оформление. ООО «Колорград», 2021

Сухие слезы

1

– Аня! Что теперь делать? Ты ведь и сама толком не понимаешь, что произошло. Ты только вдумайся, что это значит. Как это вообще звучит. И прими сердцем, как есть. Это непросто. Вспомни, как тебя обследовал врач, как он смотрел на тебя и в густой на пол-лица бороде таил вялые, едва двигающиеся губы, будто накачанные необходимостью объявлять диагноз. Как ты лежала потом одна, глядела на дверь и каким-то чудом убереглась, чтобы тотчас же не оборвать связь с этим миром.

А помнишь, как ребенком вскакивала на мамину кровать и жаловалась ей на соседского мальчишку, что дразнил тебя в саду, а ты забывала сказать сразу?

Она так уютно пододвигалась тогда, впуская и окуная тебя в тепло одеял. Рукою проводила по спине, кивала и лечила душу сказками. Мама так их читала, что самая невероятная история казалась убедительной и достоверной. Ты слушала, положив ей голову на колени, переспрашивала, где было непонятно, и мама терпеливо объясняла все. Ведь в каждом ее слове имелся ключик, которым можно открыть любую дверцу и прогнать самую злую обиду.

Уже шесть лет, как ее нет. Умерла так внезапно, словно взяла билет в один конец да позабыла сообщить, оставив тебя самой несчастной на земле.

Помнишь, как ты плакала по ночам, открытки перебирала и думала, что эта боль не уйдет никогда?..

– Я все помню, Анечка Петровна. К чему это теперь? Не надо мне напоминать. Ни маму, ни диагноз. Я понимаю, что со мной. Отдаю себе отчет. И, может, хорошо, что мамы нет. Я не могла бы каждый раз, как она подходит, смотреть на ее опухшее лицо и загадывать, сколько она проплакала в этот раз. Удержится или нет при мне. Все это пустое.

– А что же не пустое?

– Что он придет. Я догадываюсь, что ты хочешь сказать. Но вот, что скажу я. Ему тяжело теперь. Его мучает вина, и она огромна, как все это время, которое я не знаю, чем заполнить. Но он должен справиться. Он – мужчина! Мой мужчина. Он тот, кого я искала, и никто другой мне не нужен.

– В себе ли ты, Аня?! Как можешь ты ждать его? ЕГО! Даже если бы и было в нем хоть что-нибудь мужское, он давно бы навестил тебя. Или весточку передал через Катю, записку бы черкнул, в общем, что-нибудь придумал. С фантазией у него полный порядок, ты помнишь. Что? Не согласна? Хорошо, пусть. Тогда ответь. Сколько прошло времени с последнего дня вашей встречи, когда он навещал тебя в больнице?

– Целая вечность!

– Точнее?

– Почти полгода.

– И с тех пор ни одного разу он не дал о себе знать. Так отчего ты уверена, что этот подонок, мерзавец, которого расстрелять мало, вдруг объявится у твоей

постели? Он тебе жизнь поломал. И даже если он испытывает к тебе хоть что-нибудь, его все равно тут не будет. Струсит, это как пить дать. Будет таиться, как нашкодивший мальчишка. Так что прекрати, Аня. Не цепляйся за него. Не надо. Отпусти и живи дальше, как получится. Хорошо?

– Я услышала тебя, Анечка Петровна. Я попытаюсь. Хотя вряд ли из этого что-то выйдет.

– Почему?

– Потому что, если я перестану цепляться за него, я перестану цепляться за жизнь вообще. Мне такая жизнь ни к чему.

– И что ты предлагаешь? Вступить в сговор с врачом или самой как-то?..

– Я не об этом. Я не смогу себя убить. Наверное. По крайней мере, теперь. Но заставлять себя как-то сосуществовать с миром одной только силой воли мне не удастся. Возможно, я однажды не проснусь и останусь там, с мамой. Она поймет и будет мне рада. Она всегда меня понимала. Я тут, знаешь, недавно вычитала где-то, что роза, за которой следит садовник, предчувствует, когда примерно он обрежет ее ствол. В такие минуты аромат ее особенно сильный.

– И что?

– То. Получается, что роза как бы готова к смерти заранее и понимает, видимо, что не всегда садовник будет оберегать ее. Когда наступает решительный момент, она, как в благодарность, дарует ему самый сильный аромат, на какой способна. Понимаешь? Она мирится с неизбежностью смерти. Вот и я смирюсь. Пусть он не будет со мной всегда, пусть!

Я готова к этому. Но хоть какое-то время мы должны ведь провести вместе...

– Хватит, Аня. Хочешь тешить себя напрасными надеждами – твое дело. Скоро должна прийти Катька, твоя лучшая подруга. Единственная, кто не забыл тебя, и вот она тебе и расскажет всю правду про него. И ты, наконец, поймешь, кто этот человек.

– Посмотрим, Анечка Петровна.

– Посмотрим.

Дверь распахнулась и в проеме оказался высокий брюнет в халате, лет двадцати пяти – тридцати, работавший в Доме-интернате санитаром.

– Привет, Анюта! А к тебе кое-кто пришел. Угадай кто?

– Он?! – выдохнула девушка.

– Нет, - смутился Павел и отошел в сторону, уступая дорогу высокой, ростом с него, светловолосой девице, которая, войдя, близоруко прищурила глаза и виновато улыбнулась.

– Ну, привет, подруга.

– Привет, Кать.

2

Утки сидели в траве и по-партизански выглядели, что там на дороге. Рядом не было ни канала, ни ручья, ни озера. Поблизости не нашлось даже колонки, способной извергнуть раскатистую струю воды и устроить купель каким-нибудь ворчливым сорокам или запыхавшимся воробьям. Единственное

подобие водоема, объяснившее на зеленой полосе присутствие этой пары, располагалось значительно дальше, в полукилometре отсюда. Там, где между автобусными остановками расступается лес, открывается огромная поляна, и в выходные или праздники, когда ясная погода, на ней за разговорами да под водочку любят пожарить шашлычки местные жители. И в самом центре этой зоны отдыха был когда-то вырыт искусственный пруд. Сколько времени он перекладывал бисер на солнце, прежде чем высох до зеленоватой лужи, – известно одному Богу да местным. Но вполне могло быть, что когда-то там останавливались на побывку и утки, и лебеди, и даже карасик искал, где глубже. Ныне же осталась высокая жесткая трава, утвердившаяся в углублении в центре, и будто ждала, когда кто-то выдернет из-под них пробку, и тогда всю поляну с лесом мгновенно засосет внутрь этой демонической дыры.

Тем не менее селезень и его серенькая спутница отчего-то приютились именно в траве по улице Ваупшасова и с тревогой, как вернувшиеся назад эмигранты, что, спустя годы, растерялись в улочках оставленного когда-то родного города, вертели шеями по сторонам в тщетных попытках припомнить, где же тот самый пруд. Мимо них спешили по своим делам люди, проходили, ничего не видя вокруг, разве что проезжающие дети, кому все хлопоты текущего дня – всегда повод для новых открытий, липли носом к окнам автобуса, разглядывая водоплавающих в траве, да учащиеся профколледжа перед тем, как

ступить в салон подъехавшего транспорта, возились в рюкзаках и сумках, ища хлеб или недоеденную булочку. Поначалу селезень не оставлял свою спутницу. То ли за нее робел, то ли стеснялся. Но когда на асфальте голуби устроили свару за «его» харчи, сподобился выбежать на тротуар и подобрать то, что еще осталось.

Павел по привычке вышел на своей остановке и побрел вдоль улицы к Дому-интернату. К вечеру хоть и стало немного ветрено, но по-летнему грело солнце и хотелось прогуляться. Погодка словно бравировала, что лето не ушло, подмигивала, как старый ловелас смешливым студенткам, и Павел запасался последними деньками увядающего тепла. Ведь еще буквально неделка и все – наступит середина октября. Пойдут пронизывающие ветра, зашумят холодные дожди и нужно будет доставать перчатки, плащи. Даже короткие всплески солнца не будут потом так обаятельны и достоверны в образе якобы воскресшего лета, как оно достоверно теперь.

В руках его плескалась бутылка газировки, и время от времени он потягивал оттуда. Вдруг что-то промелькнуло в стороне, и Павел заметил селезня, двинувшегося к нему и замершего теперь. Несколько секунд они оглядывали друг друга.

– Дружище, ты как тут? – спросил, наконец, Павел и, подойдя к краю тротуара, присел на корточки у травы.

Селезень вдруг смутился и бочком-бочком принялся отступать глубже в траву.

– Да ладно тебе, – усмехнулся Павел. – Иди ко мне. Не бойсь. Жрать-то хочешь, небось?

Павел перехватил шлейку рюкзака и переместил его себе на бедро. Расстегнул молнию замка, погрузился в утробу и достал припасенную на вечер булку. Отломив половину, погромсал на несколько кусков; селезень оперативно заработал лапами, подошел к угощению и мгновенно проглотил один кусок.

– Ну вот, другое дело. А там кто у тебя? Супруга твоя? Так и ей принеси. Или все сам слопаешь?

Селезень же проглотил еще два куска, но оставшийся, самый крупный, сберег и потащил в траву.

Павел повеселел. Пройдя метров двести и удостоверившись, что ни встречных, ни за спиной у него, ни даже селезня с уточкой, – в общем, никого рядом нет, – он прищурился от косого света уходящего солнца и вслух припомнил стихотворные наброски, которыми иногда баловался на дежурствах.

Дань златому торжеству
Заплачу строкою.
Соберу в букет листву,
Пишущей рукою.
Восхищенью нет границ –
Что творит золотая!
Не пересчитать страниц...

А дальше дописать не успел. Хотел вернуть в восьмой строке какой-нибудь гарик, но тут дежурная медсестра забрала его помогать Трофимычу, маявшемуся животом, а потом стало уже не до гариков.

Когда рухнул Советский Союз, а на гандбольной ниве Павлу ничего уже не светило, в девяносто втором году подвернулась хорошая возможность получить однокомнатную квартиру путем трудоустройства в этот самый Дом-интернат. Как ему объяснял замдиректора, Сергеич, – замечательный человек, с кем свела его дама сердца, дружившая, в свою очередь, то ли с любовницей, то ли с соседкой этого замдира, – пенсионеры или инвалиды, за кем не оставалось возможности ухода со стороны родственников, могли отдать государству свою квартирку. Как бы в уплату пожизненного ухода за ними в Доме-интернате. И вот такие квартирki по очереди распределялись дальше между персоналом. Павел с воодушевлением взялся за работу, однако года через полтора накатила приватизация и заветная квартирка стала практически недостижимой.

Тогда же и задумал увольняться. Деньги платили маленькие, мать дамы сердца методично капала на мозги, что неплохо было бы, может, и отдельно пожить, а не ютиться вчетвером в полуторке, а в это время бывшие коллеги по спортивному цеху подтрунивали над ним, намекая, что пора бы заняться нормальным делом, пусть и имевшим некоторую долю риска. Зато деньги приличные. Через год-другой можно будет самому купить жилплощадь.

Два месяца Павел думу думал: перебраться в район Комаровского рынка или погодить. Но додумался лишь до того, что съехал от несостоявшейся супруги и ее родителей. Снял себе комнатку попроще, у са-